

В.Д. Потурухин

**РОССИЯ И КИТАЙ КАК ПРЕТЕНДЕНТЫ НА СТАТУС ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ
ЦЕНТРОВ СИЛЫ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

***Аннотация.** В статье исследуются причины возникновения текущей тенденции к изменению конфигурации геополитического баланса сил в рамках современной системы международных отношений, а также циклические закономерности в смене моделей международных отношений. Рассматриваются методологические аспекты модели международных отношений, а также центров и полюсов силы. Исследуется соответствие Китайской Народной Республики и Российской Федерации параметрам претендента на статус центра силы. Изучается способность указанных государств конкурировать текущему гегемону Соединенным Штатам Америки.*

***Ключевые слова:** Российская Федерация; Китайская Народная Республика; Соединенные Штаты Америки; теория международных отношений; мировая политика; модель международных отношений.*

Потурухин Вячеслав Дмитриевич – аспирант факультета
глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова.
Россия, Москва.
E-mail: poturukhin@yandex.ru

**Poturukhin V.D. Russia and China as applicants for geopolitical centers
of power in the theory of international relations context**

***Abstract.** The article studies the reasons behind the current trend towards a change in the configuration of the geopolitical balance of forces within the framework of the modern system of international relations, as well as cyclical patterns in the change of models of international relations. Methodological aspects are considered in terms of the model of international relations, as well as centers and poles of power. The article also investigates the applicability of the People's Republic of China and the Russian Federation to the parameters of a contender for the status of a center of power. Finally, it examines the ability of these states to compete with the current hegemony of the United States.*

***Keywords:** Russian Federation; People's Republic of China; United States of America; theory of international relations; world politics; model of international relations.*

Poturukhin Viacheslav Dmitrievich – PhD student faculty
of global studies Lomonosov Moscow State University.
Russia, Moscow.
E-mail: poturukhin@yandex.ru

Современный характер процессов межнационального взаимодействия за последние годы претерпел значительную трансформацию и не перестает видоизменяться в настоящее время. Направленность на обострение международных общественно-экономических противоречий ведет к росту геополитической напряженности и усилению рисков столкновений между государствами-нациями, в особенности между современными центрами силы по всем направлениям некогда мирного сотрудничества.

Настоящая работа призвана изучить некоторые причины, послужившие текущему политическому обострению между современными центрами силы в лице Соединенных Штатов Америки, Китайской Народной Республики и Российской Федерации. В рамках проработки указанного вопроса предлагается рассмотреть современный глобальный политический кризис с точки зрения теории международных отношений.

Современное общественно-политическое, экономическое и любое другое международное взаимодействие подчиняются комплексу фундаментальных правил и ограничений – системе. Системность в международных отношениях характеризуется наличием субъекта и объекта взаимодействия, а также совокупностью принятых всеми правил взаимодействия (ограничений).

На практике международное взаимодействие выстроено на основе Вестфальской системы международных отношений, сформированной в 1648 г. Структурной составляющей Вестфальской системы международных отношений является государство-нация, выстроенное на фундаменте общественного института государства и выступающее субъектом (актором) международного взаимодействия [Мазур, Чумаков 2003].

Являясь субъектом системы международных отношений, государства-нации рассматриваются в качестве равных друг другу элементов системы, обладающих равными правами. На практике данный принцип остается условным и далеко не всегда неукоснительно соблюдается.

Географически государства-нации характеризуются наличием четко закрепленных границ, в рамках которых обладают всей полнотой власти – суверенитетом и, как следствие, правом требования невмешательства иных субъектов во внутренние дела. На практике суверенитет какого-либо государства-нации также является достаточно условным явлением вследствие того, что в историческом периоде неоднократно наблюдалось нарушение су-

веренитетов одних государств-наций другими, вследствие чего субъект международных отношений трансформировался в объект в отношении которого идет взаимодействие между другими субъектами.

Обязательство исполнять договоренности между государствами-нациями в отношении объектов взаимодействия является важной составляющей Вестфальской системы, отражая устойчивость и стабильность всей системы.

Наличие национального интереса рассматривается как одна из составных частей государства-нации и является основанием международного взаимодействия.

Принцип баланса сил отражает распределение (конфигурацию) геополитического влияния акторов в системе международного взаимодействия в каждый определенный момент времени. Закрепленная и формально признанная акторами конфигурация баланса сил на историческом промежутке времени – модель международных отношений.

Важно заметить, что модель международных отношений вписана в систему, являясь ее структурной составляющей и отражая доминирующее положение одних государств-наций над другими.

С 1648 г., кроме Вестфальской системы, существовали еще три системы международных отношений: Венская, Версальско-Вашингтонская, Ялтинско-Потсдамская. В настоящий момент конфигурация международных отношений представляет собой однополярную (моноцентричную) модель, вокруг которой и усиливается тенденция к обострению геополитической напряженности, а сама модель международных отношений переживает глубокий политический кризис. Важно заметить, что исторически модель международных отношений имеет свой жизненный цикл и переживает свое формирование, возвышение, пик, угасание и демонтаж, в результате которого происходит становление новой модели с иной конфигурацией баланса сил. Как правило, демонтаж изжившей себя модели происходит посредством глубокого военнополитического кризиса, чаще всего выражающегося в форме прямого военного столкновения.

Государства-нации, оказавшиеся в результате формирования новой модели международных отношений в доминирующем по отношению к другим государствам-нациям положении, принято называть «центрами силы». Субъект международных отношений, претендующий на статус центра силы, как правило, обязан отвечать определенным требованиям, критериям, имеющим наименование «полюс силы». Выделяют следующие критерии – военный, цивилизационный, политический и экономический полюса [Леонова, Ильин, Розанов 2013].

К критерию экономического полюса относится высокая доля промышленного производства продукции высокой добавленной стоимости (товары высокого уровня обработки – вторичный сектор экономики), услуг и иннова-

ционной сферы (экономика знаний – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы) по отношению к Валовому внутреннему продукту (ВВП).

Критерий политического полюса включает в себя такие составляющие, как членство в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН) и других международных организациях, наличие политической субъектности (фактический суверенитет, выраженные национальные интересы), способность политического контроля как внутри государства, так и вне его.

Критерий военного полюса включает обладание государством-нацией ядерным оружием, способность военной защиты своего суверенитета и территориальной целостности, а также оказывать давление в целях реализации национальных интересов.

Критерий цивилизационного полюса включает ярко выраженную культурно-цивилизационную идентичность, наличие национальных интересов, способность оказывать социокультурное давление на другие государства-нации (в том числе «мягкая сила»), национальные идеи и ценности.

Представляется возможным описать с точки зрения теории международных отношений общесистемную тенденцию смены модели международных отношений в непосредственной связи с противостоянием государств-наций на мировой арене.

По мере существования установленной конфигурации миропорядка некоторые государства-нации, не являющиеся центрами силы и по мере своего развития концентрирующие в себе все больше черт полюсов силы, становятся претендентами на данный статус наравне с другими доминирующими субъектами. В ходе демонтажа предыдущей и становления новой модели возникает фундаментальное противоречие, характеризующееся несоответствием национальных интересов уже состоявшихся центров силы и национальных интересов претендента на данный статус, в результате чего наблюдается обострение геополитической напряженности, выражающейся в торгово-экономической, дипломатической и иных формах борьбы, часто приводящей к итоговой попытке разрешить данное противоречие с применением силы. Одним из наиболее ярких примеров является нарастание политико-экономического кризиса перед Первой мировой войной, когда усиливающаяся и требующая место в уже устоявшейся конфигурации сфер колониального влияния Германская империя встретила жесткое противодействие со стороны Франции и Великобритании.

В рамках установленной в момент времени модели международных отношений наличествует один, два или же группа центров силы, получающих экономические, политические, цивилизационные и иные выгоды от своего доминирующего положения. Государства-нации, не являющиеся по какой-либо причине центрами силы и не обладающие способностью защитить свои национальные интересы или не соответствующие каким-либо критериям по-

люсов силы, оказываются в невыгодном и даже угрожающем положении, переходя в категорию не столько субъектов, сколько объектов взаимодействия между государствами центрами силы, становясь их сферами влияния.

Россия, на протяжении веков оставаясь одним из центров силы мировой политики, на некоторый период времени (1990-е годы) не смогла отстаивать свои национальные интересы и оказалась под политическим, экономическим и даже социокультурным влиянием единственного оставшегося центра силы в лице Соединенных Штатов Америки. Определенно сохранив черты военного полюса, Россия перестала в полной мере соответствовать параметрам политического, экономического и в некоторой степени даже цивилизационного полюсов, утратив рычаги политического контроля и лишившись цивилизационной привлекательности не только на внешнем контуре, но и внутри себя самой [Жуков 2009].

За время утраты геополитической субъектности Россия понесла тяжелейшие потери во всех сферах жизни общества. Немалая часть производящего сектора экономики оказалась под контролем других государств-наций, большая часть из которых даже не являлась центрами силы, но обладала чертами полюсов силы, которые сама Россия утратила. Подобная участь постигла политическую и социокультурную сферы, характеризующиеся демографической «ямой» и в какой-то мере утратой суверенитета и реальной политической независимости [Виноградов, Заклепенко, Сафровнова 2019].

Сформированная вследствие геополитической катастрофы распада СССР модель международных отношений оказалась беспрецедентной и характеризовалась наличием единственного центра силы – однополярная (моноцентричная) модель.

Современное состояние однополярной модели международных отношений с единственным центром силы в лице Соединенных Штатов Америки имеет четкую тенденцию к дестабилизации и скорее находится на стадии угасания с ориентацией на дальнейший демонтаж.

Фундаментальная закономерность, обосновывающая причины указанного выше, остается неизменной – концентрация полюсов силы в «руках» других государств-наций и их переход в состояние претендентов на статус центров силы. В настоящее время данными претендентами оказались Китайская Народная Республика и Российская Федерация.

Представляется возможным рассмотреть факты, позволяющие данным государствам-нациям отвечать параметрам центров силы, и раскрыть причины современного геополитического кризиса, изучив некоторые внешнеполитические события с учетом сосредоточения у претендентов полюсов силы [Науменко 2017].

В первую очередь предлагается изучить Китайскую Народную Республику в контексте ее соответствия каждому из четырех полюсов силы.

1. Экономический полюс.

Экономическая сфера Китая начиная с конца 1970-х годов характеризовалась проведением политики либеральных реформ и открытости китайского рынка для иностранных инвестиций, что имело беспрецедентный к тому моменту благоприятный экономический эффект. В связи с «хлынувшими» в страну внешними инвестициями, получившими практическое выражение в трансфере реальных производственных мощностей из стран Запада, Китай ожидал крупнейший экономический бум, продолжающийся по сей день. Одновременно для произведенных в Китае товаров государствами Запада были сняты какие-либо торговые барьеры в виде таможенных пошлин, квот или лицензий.

Важно заметить, что причиной указанных выше тенденций стала невероятно низкая стоимость труда в Китае, позволившая сделать западные товары более конкурентоспособными, а западным транснациональным корпорациям увеличить прибыли от своей экономической деятельности.

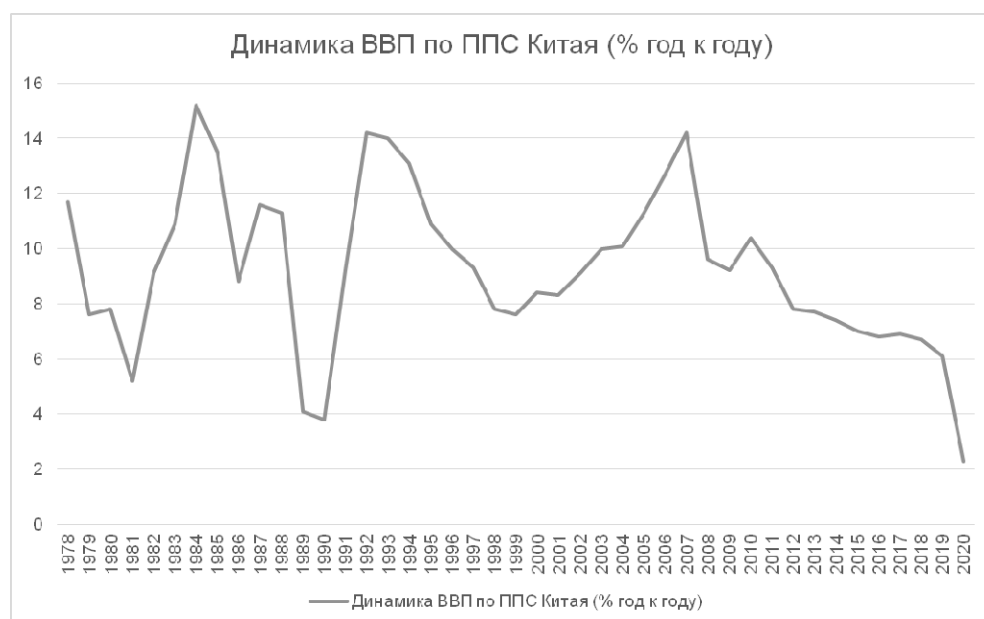

График. Динамика Валового Внутреннего Продукта по паритету покупательной способности в Китае в процентах год к году

В период между 1970 и 2019 гг. валовый внутренний продукт Китая в текущих ценах увеличился более чем в 154 раза, а среднегодовой прирост составил 9% (см. график). В то же время доля объема товаров и услуг, произ-

веденных в Китае, в денежном выражении по отношению к общемировому выросла на 13,7% и составила в общей сложности 16,4%. На сегодняшний день Китай по денежному объему производимых товаров и услуг фактически сравнялся с американским [Алексеев 2015].

Одновременно наблюдалась тенденция, направленная на рост конкуренции в сфере инновационных товаров высокой добавленной стоимости между западными корпорациями и китайскими компаниями, перенимающими опыт хозяйствования у передового транснационального бизнеса.

Современные торгово-экономические войны между Китаем и США, инициированные самими США, прямо свидетельствуют об угрозе американским торгово-экономическим интересам со стороны претендента на статус центра силы [Балашев, Пшеничная 2020].

2. Политический полюс.

Китай является постоянным членом Совета Безопасности ООН.

Китайская правящая политическая элита в лице Коммунистической партии Китая, являясь, в целом, монолитной в вопросе методов реализации национальных интересов государства как внутри, так и вовне, осуществляет всеобъемлющий контроль внутренней и внешней политики государства. С уверенностью можно сказать о суверенности китайского государства и его фактической субъектности в осуществлении международных взаимодействий.

В то же время уровень китайского политического влияния на другие государства-нации во многом носит ограниченный региональный характер и встречает противодействие со стороны гегемона, имеющего глобальный характер распространения своей внешней политики. Наибольшее противодействие со стороны США и его союзников имеет место в регионах Южно-Китайского моря, Тайваня, где реализация национальных геополитических интересов Китая имеет жизненную необходимость.

Необходимо упомянуть и новообразованный военно-политический союз AUKUS, заключенный между США, Великобританией и Австралией и нацеленный на ограничение китайских геополитических амбиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

3. Военный полюс.

Народно-освободительная армия Китая насчитывает более 2 млн человек, что делает ее самой многочисленной в сравнении с другими армиями мира. Наблюдается превосходство китайской армии и в количестве бронетехники, артиллерии и систем залпового огня. В целом, сухопутные вооруженные силы Китая конкурентоспособны вооруженным силам США.

Однако наблюдается значительное превосходство США, как державы моря, в части военно-морского флота, что определенно накладывает серьезные ограничения на способность китайского государства вести глобальную геополитическую игру наравне.

Нельзя не упомянуть о наличии у Китая стратегического ядерного арсенала, что благоприятствует взаимному геополитическому сдерживанию.

Сформулируем определенные выводы касательно соответствия Китайской Народной Республики статусу претендента на центр силы. Сильная сторона государства – экономическая мощь, способная конкурировать с экономикой США. Защите национальных интересов способствует наличие сильных вооруженных сил и ядерного оружия, что позволяет оказывать на близлежащие государства региона политическое давление [Леонова, Ильин, Розанов 2013].

В то же время отмечается отсутствие у Китая глобальной идеи, которую государство могло бы предложить миру в качестве общемирового проекта. В большей степени Китай предлагает лишь экономические проекты по типу «Один пояс – один путь», не носящие в себе какой-либо идейной составляющей. Более того, неспособность китайской военной «машины» конкурировать с США на воде создает неблагоприятные условия для возможности государства реализовывать по-настоящему глобальную политику и предоставляет возможность гегемону осуществлять морскую торгово-экономическую и военную блокаду, что делает Китай в большей степени сугубо региональной державой [Виноградов, Заклепенко, Сафровнова 2019].

На современном этапе мировой политики США четко осознали экономическую угрозу своей власти, исходящую от Китая. Республиканская элита США, начав торгово-экономическую конфронтацию с Китаем, задала направление внешней политики на усиление всеобъемлющего давления на Китай. После поражения республиканцев на выборах в США в 2020 г. и приходу глобалистской демократической элиты имелись предположения касательно того, что демократы завершат данное противостояние в силу базирования на территории Китая производственных мощностей транснациональных компаний, имеющих свои штаб-квартиры в США. Однако прямолинейное противостояние сменилось более незаметной и гибкой стратегией по «удушению» Китая. Создание военно-политического союза AUKUS, эмбарго Австралии на поставку в Китай энергосырья, создание логистических препятствий для китайских морских торгово-экономических маршрутов оказывают более медленный по времени, но и более высокий по эффективности изматывающий эффект [Ignatova, Gorbunova, Tereshina 2019].

Представляется возможным рассмотреть в рамках критериев центра силы и современную Россию.

1. Экономический полюс.

Одной из наиболее сильных сторон российской экономики принято считать развитый топливно-энергетический сектор, обеспечивающий как внутреннюю потребность государства, так и потребности других государств, включая Китай.

Избыток сырьевых ресурсов и развитая топливно-энергетическая инфраструктура позволяют сохранять низкий уровень экономических издержек в ходе промышленного производства, что закладывает потенциал для всеобъемлющего экономического роста государства.

Высокий уровень научно-технического развития в сфере топливно-энергетического комплекса в современных условиях прохождения большинством государств мира пика добычи нефти и угля создает необходимый технологический задел для поддержания рентабельности добычи и возможности дальнейшего наращивания генерации электроэнергии с длительным сохранением себестоимости, что на долгосрочном периоде работает на пользу экономического развития государства.

В то же время важно отметить и проблемы российского хозяйственного сектора. В первую очередь это низкая конкурентоспособность национальных промышленных производителей как промышленных инновационных, так и традиционных потребительских товаров. Причиной вышесказанного во многом остается ориентированность экономики на сектора добычи и первичной обработки с сохранением низкой доли вторичного сектора, направленного на глубокую обработку материалов и создание конечного потребительского товара. Во многом вторичный сектор экономики России узкоспециализирован и носит локальный характер применения.

2. Политический полюс.

Политическая сфера российского государства во многом остается неоднозначной.

С одной стороны, наблюдается ярко выраженная субъектность государства в вопросе проведения внешней политики, а также определенная возможность оказания политического влияния как на близлежащие страны, так и на страны дальнего зарубежья (Ближний Восток, Южная Америка, Западная Европа, Азия). Государство демонстрирует возможности осуществления именно глобальной политики. Одновременно оно является постоянным членом Совета Безопасности ООН и других международных организаций (БРИКС, ШОС, АТЭС и т.д.) [Park 2020].

С другой стороны, представляется возможным отметить неоднозначность проводимой политики по всем направлениям общественной жизни непосредственно внутри государства. Имеются предположения касательно наличия внешнего влияния со стороны иностранных государств, направленные на ограничение попыток реализации финансово-экономического и социального потенциала государства.

3. Военный полюс.

Российская Федерация определенно является военным полюсом. Научно-технический задел государства способствует отстаиванию национальных интересов на глобальном уровне.

Представляется возможность сделать вывод касательно соответствия Китая и России критериям центра силы. Государства способны отстаивать национальные интересы в рамках своих регионов. Стратегическое партнерство двух крупнейших держав Евразийского материка, являющихся претендентами на статус центров силы, в направлении трансформации однополярной модели международных отношений в полицентричную, в рамках которой наличествует несколько центров силы, в случае оказания взаимной поддержки формирует условия равной конкуренции глобальному гегемону.

Эффект от попытки США увеличить экономические издержки Китая путем топливно-энергетического эмбарго Австралии возможно нивелировать в случае переориентации Китая на сухопутные поставки из России. В то же время географические характеристики России и сухопутные логистические маршруты через государство потенциально способны частично нивелировать попытки США ограничить внешние рынки для китайских товаров путем создания препятствий на морских логистических маршрутах.

Военно-политически Китай и Россия, являясь географическими соседями, предоставляют друг другу надежный тыл, позволяющий исключить противостояние на двух фронтах. Стратегическое партнерство позволяет России избежать внешнеполитического давления с азиатского направления и сосредоточиться на европейском направлении. К Китаю «зеркально» применимы аналогичные условия.

Таким образом, современное обострение геополитической напряженности является практическим выражением кризиса однополярной модели международных отношений. Очевидно, что с каждым годом Китай наращивает свой потенциал и становится глобальным центром силы.

В то же время кризис текущей модели международных отношений может быть представлен и в виде деградации взаимоотношений России и США, являвшихся ключевыми центрами силы в рамках предыдущей конфигурации баланса сил (Ялтинско-Потсдамской системы). В XXI в. Россия настойчиво и последовательно пытается вернуть себе статус глобального центра силы и мировой державы. Мировой порядок неуклонно трансформируется к новой, многополярной системе международных отношений.

Библиография

Алексеев О.А. Противоречия интеграционных процессов в Евразии на примере шанхайской организации сотрудничества // Вестник Московского университета. Серия 27 «Глобалистика и геополитика». 2015. № 1–2. С. 132–136.

Балашев Н.Б., Пшеничная Е.А. Торговая война между США и Китаем и ее последствия // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 11-1 (69). С. 89–91.

Валовый внутренний продукт Китая, 1970–2020 // Институт экономики и права Ивана Кушнина. Макроэкономические исследования. URL: <https://be5.biz/makroekonomika/gdp/cn.html> (дата обращения: 17.11.2021).

Виноградов А.О., Заклепенко А.Ю., Сафронова Е.И. США, Китай и ВТО: последствия американо-китайского торгового конфликта для мировой торговли // Китай в мировой и региональной политике. 2019. № XXIV. С. 187–206.

Жуков В.И. Россия в глобальной системе координат: социологический анализ и прогноз // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 2. С. 3–18.

Леонова О.Г., Ильин И.В., Розанов А.С. Теория и практика политической глобалистики. М.: МГУ, 2013. 296 с.

Мазур И.И., Чумаков А.Н. Глобалистика: энциклопедия. М.: Радуга, 2003. 1328 с.

Науменко Т.В. Китай: экономическая наука и экономическая практика // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 3-3 (34). С. 109–112.

Ignatova O.V., Gorbunova O.A., Tereshina O.Yu. US-China trade war: Russia's interests. Management and Economics Research Journal, Vol. 5. Iss. S4. 2019. 10 p.

Park S. Trade Conflict Between the U.S. and China: What Are the Impacts on the Chinese Economy? // International Organisations Research Journal. 2020. Vol. 15. N 2. P. 153–168.

Reference

Alekseenko O.A. Protivorechiya integracionny'x processov v Evrazii na primere shanxajskoj organizacii sotrudnichestva [Contradictions of integration processes in Eurasia on the example of the Shanghai Cooperation Organization]. Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]. Seriya 27 «Globalistika i geopolitika». 2015. N 1-2. P. 132–136. (In Russ.)

Balashev N.B., Pshenichnaya E.A. Torgovaya vojna mezhdu SSHA i Kitaem i ee posledstviya [The trade war between the US and China and its aftermath]. «E'konomika i biznes: teoriya i praktika» [«Economics and Business: Theory and Practice»]. 2020. N 11-1 (69). P. 89–91. (In Russ.)

Ignatova O.V., Gorbunova O.A., Tereshina O.Yu. US-China trade war: Russia's interests. Management and Economics Research Journal. Vol. 5. Iss. S4. 2019. 10 p.

Leonova O.G., Il'in I.V., Rozanov A.S. Teoriya i praktika politicheskoy globalistiki [Theory and practice of political global studies]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta [Publishing house of Moscow University], 2013. 296 p. (In Russ.)

Mazur I.I., Chumakov A.N. Globalistika: e'nciklopediya. Centr nauchny'x i prikladny'x programm «Dialog» [Global studies: its encyclopedia. Center for Scientific and Applied Programs «Dialogue»]. Moscow: Raduga, 2003. 1328 p. (In Russ.)

Naumenko T.V. Kitaj: e'konomicheskaya nauka i e'konomicheskaya praktika [China: its economic science and its economic practice]. Konkurentosposobnost' v global'nom mire: e'konomika, nauka, tehnologii [Competitiveness in the global world: its economy, science, technology]. 2017. N 3-3 (34). P. 109–112. (In Russ.)

Park S. Trade Conflict Between the U.S. and China: What Are the Impacts on the Chinese Economy? International Organisations Research Journal. 2020. Vol. 15. N 2. P. 153–168.

Valov'y vnutrennij produkt Kitaya, 1970–2020 [Gross domestic product of China 1970–2020]. Institut e'konomiki i prava Ivana Kushnira. Makroe'konomicheskie issledovaniya. URL: <https://be5.biz/makroekonomika/gdp/cn.html> (date of access: 17.11.2021). (In Russ.)

Vinogradov A.O., Zaklepenko A.Yu., Safronova E.I. SSHA, Kitaj i VTO: posledstviya amerikano-kitajskogo torgovogo konflikta dlya mirovoj trgovli [USA, China and the WTO: the consequences of the US-China trade conflict for world trade]. Kitaj v mirovoj i regional'noj politike [China in world and regional politics]. 2019. N XXIV. P. 187–206. (In Russ.)

Zhukov V.I. Rossiya v global'noj sisteme koordinat: sociologicheskij analiz i prognoz [Russia in the global coordinate system: a sociological analysis and forecast]. Social'no-gumanitarny'e znaniya [Social and humanitarian knowledge]. 2008. N 2. P. 3–18. (In Russ.)